

истории добровольной эмиграции художников сыграл роль подобную той, которая принадлежит Парижу в истории становления польской литературной эмиграции» [4; 145].

В дальнейшем, однако, происходит следующее: свойственное второй половине XIX века стремление к реализму мышления, к наблюдению и объективному научному исследованию фактов ограничивало функцию художественного воображения во имя анализа и бесстрастного отражения предметного мира. В области искусства это вело к объединению художественных тенденций с познавательными, которые нередко преобладали над первыми. Со временем этот познавательный реализм, граничащий с фактографическим натурализмом, преобразовывался в род нового академизма, что было доказательством наличия определенных закономерностей, от которых зависела эволюция искусства. Неслучайно поэтому в эпоху модернизма Мюнхен утратил свою притягательность для польских живописцев, уступив место Парижу, чье первенство в области искусства становится общепризнанным.

1. Tadeusz Dobrowolski. Sztuka polska od czasów najdawniejszych do ostatnich. –Kraków, 1974 [s. 574, 575]
2. Dzieje sztuki polskiej pod red. Bożeny Kowalskiej. – Warszawa, 1987
3. Karol Estreicher. Historia sztuki w zarysie. – Warszawa-Kraków, 1986, s. 503-504
4. Maciej Masłowski. Maksymilian Gierymski i jego czasy. Warszawa, 1972
5. Ignacy Witz. Polscy malarze – polskie obrazy. – Warszawa, 1970
6. Słownik malarzy polskich. T. 1. – Warszawa, 1998

Кудрицкая Е. Г. (БрГТУ, г. Брест)

ОБРАЗ МОЛОДЁЖИ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ XX ВЕКА

Проблемной молодёжью всегда оказывается именно та, которая в данный момент обращает на себя внимание. Еще в 1810 году об этом говорил Г.В.Ф. Гегель, в то время директор гимназии: «Есть старая и давно набившая оскомину жалоба, которую вновь и вновь повторяют представители старшего поколения – жалоба на то, что молодёжь, с которой им теперь приходится иметь дело, куда менее покладиста и воспитана, чем были в молодости они» [1; 256]. Все исследователи проблем молодёжи с тех пор были озабочены тем же, и в XXI веке социология молодёжи редко говорит о чем-то ином. Здесь же, возможно, и сокрыта причина того обилия публикаций и исследований по данной проблематике в Германии, которое «намного превзошло всё, что было сделано в этой области в других странах и на других языках» [2; 2].

Социология молодёжи – очень молодая дисциплина. Ведь с давних пор тема молодёжи рассматривалась преимущественно в связи с практическими вопросами воспитания. Наука впервые обратилась к этому предмету в период расцвета психологии. Многие труды по истории социологии указывают именно эти корни, и не будет преувеличением сказать, что подлинное возникновение социологии молодёжи связано с критическим переосмыслением основ психологии юношества. К источникам, из которых впоследствии выросла социология молодёжи, без сомнения принадлежит исследование Шарлотты Бюлер по психологии полового созревания, проведённое в 1921 году типично социологическим методом анализа дневников. Бюлер придавала половому созреванию решающее значение, так как в этот период происходит выбор между примитивным, высвобождающим сексуальные инстинкты созреванием и одухотворенным, сублимирующим сексуальность созреванием в культуре [3; 15]. Такое разделение давало педагогике критерии воспитания, политикам — обоснование жесткого контроля, а множеству родителей – поводы для серьёзного беспокойства. Затем в 1923 году Зигфрид Бернфельд выдвинул тезис о том, что продолжительность периода молодости очень изменчива и зависит от социальных и культурных факторов [4; 64]. Второй важный и не менее критический его тезис заключался в том, что посредством воспитания общество «деформирует» молодёжь. Бернфельд считал, что прежде вместе с физической зрелостью, под которой он понимал половую зрелость, человек достигал также зрелости психической и социальной. Культура же отделила эти три процесса созревания друг от друга. Пубертатный период, по его мнению, отражает проти-

воречие между физической (половой) зрелостью и психической зрелостью, то есть способностью «выполнять взрослые функции, как в любви, так и в экономической и культурной жизни» [5; 88]. Психическая зрелость – результат «мужского» воспитания, которое противопоставляется «женскому», первичному и естественному. «Мужское» воспитание подавляет природу и готовит человека к суровой и сложной общественной реальности. Тем самым создается необходимая обществу психическая структура. Педагогика Бернфельд обвинял в том, что она не даёт человеку узнать свои естественные потребности. Пол Лазарсфельд, в свою очередь, критиковал общество, допустившее, что значительному числу молодых людей, а именно пролетариям, не дается достаточного времени для созревания. В результате фантазия их обедняется, наступает разочарование. Эмпирические исследования Лазарсфельда в пролетарских семьях показали, что «социальная стесненность» ведёт к постоянным деформациям личности [6; 51]. Принимая слишком раннее решение о выборе профессии, молодой пролетарий сталкивается с теми жизненными формами, «до которых он ещё не дорос» [6; 58]. Впоследствии исследования Лазарсфельда оказали большое влияние на критическую социологию молодежи, а также позволили обосновать необходимость продления периода обучения в школе.

Без сомнения самая известная из классических работ в немецкой психологии молодёжи – «Психология юношества» Эдуарда Шпрангера, впервые опубликованная в 1924 году. Вплоть до 60-х гг. все педагоги ссылались на Шпрангера, социология молодежи также во многом формировалась из критики его идеалистических представлений. Согласно Шпрангеру, молодость – это «развитие души» и обретение некоего смысла жизни, который в идеале должен быть созвучен «вечным основам» и «идейным ориентирам» объективного духа, то есть смыслового единства культуры [7]. Этапы такого развития Шпрангер описывает на примере современного ему образованного городского населения севера Германии. По его мнению, именно там сложилась социальная среда, способная обеспечить идеальные условия для развития молодёжи. Психологический этап развития он определил между 13-ю и 19-ю годами для девушек и 14-ю и 20-ю – для юношей. В этот период происходят наиболее глубокие структурные изменения в психике. Подростки открывают свое «я», постепенно формируя свои жизненные планы. Шпрангер довольно пессимистично изображает то общество, с которым сталкивается молодёжь на пути своего духовного становления. Старое общество поглощает осваивающего жизнь нового индивида, оставляя ему слишком мало места для свершений. Шпрангер также подчёркивает, что общество, как правило, использует лишь отдельные, ограниченные стороны личности (иными словами, социальные роли), а что касается молодёжи, она скорее ориентирована на целостное восприятие бытия. Общество целиком и полностью упорядочено, подростки же хотят свободы. Общество никогда не даёт жить полной жизнью, так как в нём главенствует принцип разделения труда и специализации. Механистическая фрагментация жизни полностью депersonализирует её. В таком обществе главную роль играют искусственные, предельно рационализированные связи [7; 133]. По мнению Шпрангера, педагогика должна обеспечить некое безопасное пространство для развития молодого поколения и его постепенного ознакомления с вечными идеалами истины, добра и красоты.

После Второй мировой войны надежды общества были обращены на новую молодёжь. От неё ожидали культурного «возрождения, одухотворенного юношеской энергией», как формулировал это педагог Карл Зайдельманн. Однако эти надежды, по мнению многих педагогов, не оправдались – о высоких идеалах не было и речи. Некоторые педагоги, например, Ганс Генрих Мухов, говорили о «духовном опустошении» молодёжи, предупреждали об опасностях такой «отравы цивилизации», как кино, радио, иллюстрированные журналы, массовые спортивные мероприятия. Педагогическая и политическая дискуссия о молодёжи по-прежнему вращалась вокруг проблемы сексуальности. Политики искали пути преодоления угроз для цивилизации со стороны распространения подросткового труда – главным образом, законодательными мерами. Важнейшими решениями в этом плане были «Закон об общественной защите молодёжи» (1951) и «Закон о распространении опасной для юношества литературы» (1953). Всё это создавало образ «молодёжи в опасности», тиражируемый СМИ. Однако социолог Гельмут Шельски иначе трактовал вышеописанное положение дел. Мнимую неспособность молодых взяться за формирование нового общества он связывал с завышенными ожиданиями со стороны старше-

го поколения. В течение ещё почти двух десятилетий педагоги продолжали отвечать на его полемические замечания. Так в Германии было положено начало социологии молодежи в собственном смысле слова.

Гельмут Шельски понимал социологию как эмпирическую науку о фактах, задача которой – описывать и анализировать, а не рассуждать о желаемом. Этой позиции он придерживается и в своей книге «Поколение скептиков» (1957), стоящей у истоков социологии молодежи в Германии. Шельски критикует психологические теории созревания, равно как и их педагогическую инструментализацию. В психологии молодежи его не устраивало то, что она не учитывает «отношения, проистекающие из социальной структуры данной эпохи или из конкретно-исторической ситуации» [8; 103]. Педагогов он упрекал в том, что те используют устаревший и догматический образ молодежи, описывающий её как некую общность, занимающую как бы отдельное, автономное социальное пространство внутри общества и организованную исключительно в форме малых социальных групп. Шельски считал, что педагоги ориентируются не на ту возрастную группу. По его мнению, «структуру и поведение в этом поколении молодежи» определял не описанный Шпрангером слой образованного городского населения, а молодые рабочие и служащие в возрасте от 14 до 25 лет. В своем анализе Шельски ставит на первый план не пресловутый процесс созревания, а структурный вызов молодежи в индустриальном обществе, поэтому он вводит в социологию молодежи социологическую категорию роли. С её помощью общество определяет поведение, соответствующее определённому социальному статусу. Молодость – это лишь переход от роли ребенка к роли взрослого человека. Проблема в том, что если раньше переход от детства к взрослой жизни происходил в единой плоскости социальной структуры, то в индустриальном обществе современная социальная структура характеризуется индустриализацией, бюрократизацией, урбанизацией, анонимностью, рациональностью, мобильностью и жёстко противостоит семье. Здесь отношения персонализированы, там целесообразны и функциональны. Таким образом, в современном обществе две по-разному структурированные системы противостоят друг другу. Шельски говорит о «двух социальных горизонтах», каждый из которых предъявляет свои, зачастую противоположные требования к поведению человека [8; 39]. Для большинства переход из одного горизонта в другой происходит внезапно, с началом трудовой деятельности. Когда педагоги настаивают на некоторой социальной обособленности мира молодежи и требуют для него безопасного социального пространства, они лишь препятствуют тому, чтобы молодежь усваивала свои социальные роли. Идеальный образ молодежи в педагогике не соответствует целерациональной организации дифференцированного индустриального общества, и её представления о том, что должно быть свойственно молодым, противоречит реалиям поведения современной молодежи, чье отношение к жизни не менее прагматично, чем у взрослых. Образ мыслей и поведение современной молодежи нацелены «на практическое, конкретное, понятное, на интересы самоутверждения и самореализации» [8; 88].

В послевоенное время, когда стало понятно, насколько важна солидарность в семье, отношение молодых людей к работе стало исключительно функциональным. Что же касается политических установок молодежи начала 50-х, Шельски определяет их как «аполитично-демократические» [8; 451]. Политическую деятельность они оставили тем, кто занимается этим по профессии. Это поколение отказывает себе в возвышенных целях-идеалах – не потому, что оно к тому не способно, а потому что важным считает иное – то, чего требует и чего позволяет достичь индустриальное общество. Вывод, который делает Шельски относительно педагогов, таков: особое пространство для молодежи нужно только им, но не самой молодежи. Педагоги стремятся изолировать молодежь от реальности, и Шельски считает это непродуктивным. Данный вывод подвергся критике со стороны педагогов. Свои возражения они аргументировали знаменитой теорией Эрика Эриксона, получившей в те времена в Германии широкое распространение.

Эрик Эриксон привнес в исследования молодежи свою теорию, соединившую положения классического психоанализа о психосексуальном развитии с психологической теорией социализации. Его книга «Детство и общество» появилась на немецком языке в том же году, что и «Поколение скептиков» Шельски. В ней запечатлён следующий образ молодежи: половое созревание ощущается как значительная перемена и стимулирует повышенное внимание к себе, в то же время подростки начинают сильно интересоваться тем, «как они выглядят в глазах других» [9; 256]. То ощущение, которое они получают от себя, не сочетается ни с заученными прежде ролями, ни с имеющимися у них идеальными образами. В этот «период естественной потери опоры» наступает типичный психологический кризис, когда старые ориентации подверга-

ются проверке и пересмотру. С кризисом можно справиться, только дав подростку своего рода «психосоциальную отсрочку (мораторий)». Под этим Эриксон понимает некое духовное и социальное пространство, в котором подросток, свободно экспериментируя с социальными ролями, может заниматься поиском своего места в обществе. В этот период поиска ориентиров особенно важна идентификация со сверстниками, а экспериментирование носит ярко выраженный групповой характер. Ориентируясь друг на друга, подростки создают социальные пространства, в которых очерчиваются закономерности социальных отношений и рамки взаимной идентификации. Эти социальные пространства Эриксон называет «пред-обществом». Кратко тезис может быть сформулирован следующим образом: каждый подросток оказывается в глубоком кризисе, и для разрешения этого кризиса ему необходим другой подросток. Данный тезис опирался и на другую теорию молодежи, связанную в свою очередь с важнейшей социологической теорией того времени – структурным функционализмом. Имеется в виду работа Самюэля Айзенштадта «От поколения к поколению», утверждавшая следующее: важным условием непрерывности социальной системы является то, что подрастающее поколение обучается своим ролям в обществе. Так как роли эти объективны и универсальны, опыта эмоциональных и личностных отношений, полученного в семье, здесь не достаточно. Так происходит некий «разрыв» в том, что касается идентификации и солидарности. По мере освоения нового эмоциональная потребность подростка в солидарности или признании продолжает существовать и даже усиливается. Он начинает искать связи, которые бы эту потребность удовлетворили и одновременно позволили бы опробовать новые отношения и поэкспериментировать с социальным статусом вне семьи. Такие связи он находит в рег групп – группе сверстников. Поэтому подросток разыскивает первичные группы, в которых у него есть возможность вступить в отношения с каждым членом своего общества, имеющим те же качества, что и он» [10; 40].

В современном обществе группам сверстников отводится, таким образом, решающая функция – осуществлять переход от первичных ролей в семье, основанных на личностных отношениях и доверии, к социальным ролям в обществе, предполагающим функциональные отношения и всеобщность. В предисловии к переизданному в 1975 году «Поколению скептиков» Шельски констатировал, что молодёжный протест, начавшийся в конце 60-х, был направлен против именно тех взрослых, которые принадлежали некогда к поколению скептиков. Шельски приходит к выводу, что социологи и педагоги односторонне истолковали научно обоснованный тезис Самюэля Айзенштадта о важности рег групп и обратили его в требование автономии молодежной субкультуры. Это отразилось на самосознании и притязаниях молодёжи, которая теперь стала претендовать на политическую и социальную значимость взрослых. Оказавшись в свободном социальном пространстве, используя его структурные возможности, молодёжь не захотела подчиниться его структурным требованиям. И снова Шельски критикует педагогов, которые, всё более изолируя подростков от реальности, привели их в результате «к организованному по образцу молодёжного поведения социально-политической структуре и модели приспособления» [11; 15]. Причины протестного поведения конца 60-х годов виделась Шельски не в чрезмерно жестких требованиях окружающей реальности, а в недостаточности требований со стороны созданных педагогикой институтов.

Совершенно иная картина выявилась, когда ведущие социологи молодёжи начали полемику о причинах кризиса их дисциплины. Они вынуждены были признать, что волнения молодежи в 1968-ом были совершенно неожиданны и никем впоследствии должным образом не были объяснены. В этой связи следует особо выделить теорию Гельмута Лессинга и Манфреда Либеля. Они утверждают, что молодёжь воспроизводит классовые отношения капиталистического общества, внутри неё назревают противоречия, так как с точки зрения формирования рабочей силы она пребывает в свободном пространстве квалификации, которое в то же время удерживает молодого человека в «состоянии неполноценности» [12; 49]. В свете такого подхода под ударом оказалась концепция защитного пространства, за которое так долго боролись. Любое образование стало ассоциироваться с некоторым отклонением с точки зрения «системы». Молодость стала рассматриваться как разновидность классового неравенства. Для рабочей молодёжи Лессинг формулировал эти положения следующим образом: «По движениям в среде рабочей молодёжи и по её общественному положению становится ясно, что молодость является возрастной фазой, удлинение которой следует выводить не из физиологических, психологи-

ческих или же юридически зафиксированных закономерностей, а из уровня развития производительных сил и, соответственно, из соотношения сил в классовом противоречии между наемным трудом и капиталом» [13; 59].

На критику общества позднего капитализма ориентирована и книга Райнера Деберта и Гертруды Нуннер-Винклер «Подростковый кризис и формирование идентичности», опубликованная в 1975 году. Авторы высказывали сомнение в том, что интеграция молодёжи в общество когда-нибудь ещё будет успешной. В возникавших в тот период контркультурных движениях и альтернативных проявлениях жизни им виделось формирование идентичности, способной создать угрозу системе. Источник такого развития – в противоречиях процесса социализации в этом обществе: «Отвечающая требованиям капиталистического производительного общества модальная личность – это организованная вокруг профессиональной роли идентичность ориентированного на результат, утилитарно расчётливого, обособленного индивида». Однако эта модальная структура личности могла стабильно существовать лишь до тех пор, «пока разрывы в системе легитимации буржуазного общества оставались скрытыми» [14; 46]. Теперь же система лишается смысла и правдоподобия, и граждане начинают избегать её институтов. Гражданские инициативы и альтернативные формы жизни – это протест против спокойствия обыденности. Противоречия производительного общества ощущаются молодёжью особенно сильно, и потому, по мнению Деберта и Нуннер-Винклер, «возрастает вероятность формирования идентичности, опасной для системы» [14; 20]. Но и молодёжь, чей возраст авторы определили рамками 13–25 лет, всё чаще оказывается в кризисных ситуациях, ведь, продлевая срок обучения, общество даёт молодым все больше и больше возможностей увидеть «непрочность оберегаемых традиций». Потенциал освобождения, таким образом, создан самой либерализацией системы образования.

Ввиду явно критического изображения молодёжи в большинстве теорий интерес представляет текст шестого исследования молодёжи, опубликованного в 1975 под заголовком «Молодёжь от 13 до 24». Это трехтомное издание содержало обширный эмпирический материал, собранный в ходе ряда репрезентативных исследований. Целью исследования было измерение социальных характеристик молодёжи. Особый интерес представляла давно занимающая политиков и педагогов тема обособления. При этом обособление рассматривалось как ослабление связей со значимыми другими и предпосылка для обретения идентичности. Станным выглядело то, что на основные вопросы исследования 1975 года большинство подростков отвечали, что вполне довольны своим положением и возрастом, и тем, что им даётся, и вовсе не хотят скорее начать работать, завести семью и самостоятельно принимать решения [15]. Это никак не сочеталось с бытующим тезисом о том, что подростки чувствуют себя обделёнными за счёт ограничения доступа к «некоторым сферам жизни, определённым ролям и формам вознаграждения» [16; 170]. Результаты исследования помогли убедить общество в том, что молодёжь вовсе не противостоит социальному порядку.

В седьмом исследовании молодежи «Молодёжь 81. Жизненный путь, культура повседневности, будущее» была предпринята попытка по-новому взглянуть на объект: во-первых, с точки зрения индивидуальных биографий и будущего общества, во-вторых, с точки зрения содержания и форм выражения молодёжной культуры. В первом случае авторы ориентировались на социальную проблему, которая формулировалась ими следующим образом: «Конвенциональный жизненный путь уже давно оспаривается и очевидно более не практикуется в массовом порядке» [17; 14]. Примеры тому можно найти в сфере гендерных, сексуальных, семейных, профессиональных отношений. Во втором случае авторы задавались вопросом, обеспечит ли сегодняшняя молодёжь будущее обществу. Ответ заставлял задуматься: «Большинство молодых людей не питали никаких надежд по поводу будущего. Индустриальная цивилизация потеряла для них свою привлекательность. Особенно явственно эта позиция обнаруживалась среди тех, кто по причине своего более высокого образовательного уровня мог бы стать носителем будущего развития» [17; 15]. Большинство представителей этого поколения рассматривали будущее как угрозу. Юрген Циннекер констатировал: «Молодость этого поколения не сдержала тех обещаний, которые были даны ей в детстве» [18; 81]. Оно более не верит безоглядно в будущее, скорее это поколение потрясённых, столкнувшихся с неизвестностью и угрозой катастрофы. Однако же реакцией этого поколения был не протест. Оно уходит из общества и

обосновывается в параллельных социальных мирах. Такова третья перспектива анализа, возникшая в этом исследовании. Было установлено, что существует множество граней молодёжной культуры, многообразные формы выражения которой служат подросткам «средством самоопределения, взаимопонимания, способом отгородиться от взрослых» [17; 14]. «Миру молодёжи 80-х годов присуща своя собственная инфраструктура, в которой всегда можно найти опору, удовлетворить свою страсть к переменам, связать с ней свои надежды на будущее. Независимые молодёжные центры, альтернативные предприятия, ориентированные на субкультуру магазины, палаточные лагеря протестующих, альтернативная пресса, автономные объединения. Такова одна из сторон явления. Другую Циннекер называет «ранним концом оберегаемой юности». Представления об авторитете в семье изменились. Эти подростки научились спорить с родителями. Они требуют обоснований и заявляют претензии. Общение на равных начинается уже с очень раннего возраста, родители выступают скорее как советчики, нежели как руководители. Всё раньше они позволяют подросткам самим решать, когда им становиться самостоятельными, и соглашаются с тем, что последние всё дольше остаются подростками. Третий аспект образа молодёжи таков: особый стиль жизни проявляется у этого поколения молодёжи раньше, чем у прежних поколений подростков, но и сохраняется дольше. Граница с детством отодвигается назад, а впереди остается неопределённость. Это дало основание исследователям выдвинуть тезис о пост-подростковом возрасте. Если прежде период обучения в школе рассматривался в качестве классического определения временных границ юности, а начало трудовой деятельности – как вступление во взрослую жизнь, то теперь эта жизненная фаза получает некоторую надстройку: всё большее число подростков переходят из школьной юности не во взрослое состояние, но в некую промежуточную фазу. Они получают самостоятельность в социальном, моральном, интеллектуальном, политическом, сексуальном плане – иными словами, в социокультурном измерении, но экономической независимости у них пока нет. Этим характеризуется третье десятилетие жизни» [18; 101].

В рамках исследования «Молодёжь+взрослые 85. Сравнение поколений» опрашивались подростки и представители поколения их родителей, то есть те, кто вырос в 50-е годы. Как выяснилось 88 % молодёжи и 76 % взрослых придерживаются того мнения, что взрослым есть чему поучиться у молодых. В исследовании соответственно были выделены два типа отношения к молодёжи: враждебность и понимание. Также подтверждалась давно отмеченная в ФРГ тенденция: отношение взрослых к подросткам постепенно улучшается. Под заголовком «Образ Я в социальном мире» в рамках исследования рассматриваются типичные образцы социального поведения: приватизация, приспособленчество, самоутверждение, отчуждённость, мечты и самостоятельность. Наиболее распространённым образцом поведения, на который ориентировалась молодёжь середины 80-х, оказалось «самоутверждение». Мотив «отчуждённости», напротив, практически отсутствовал. Что касается «мечты», в её пользу высказывались в основном представители более высоких социальных слоев. Типичным символом молодёжи середины 80-х стала также «самостоятельность»: это поколение, готовое самостоятельно отвечать за последствия собственного самоутверждения. Само собой разумеется, что столь самоуверенные подростки связывали те или иные возрастные нормы с более ранними жизненными периодами, нежели взрослые.

Объединение Германии стало вызовом и для исследователей молодёжи. Следовало предположить, что различия двух общественных систем приведут и к существенным различиям в установках. Однако же в 11-ом исследовании молодёжи, проведённом фирмой Shell, существенных различий выявлено не было. Исследование было опубликовано в конце 1992 года под заголовком «Молодёжь 92. Жизненные условия, ориентиры и перспективы развития в объединённой Германии». Было опрошено около 4000 молодых людей от 13 до 29 лет, среди которых, конечно, наблюдались определённые различия в том, что касалось вопроса об их собственном будущем. Здесь, в первую очередь, нужно отметить явный пессимизм молодых взрослых из новых земель, выросших с ожиданиями гарантированного распределения учебных и рабочих мест. Что же касается жизненных целей, здесь молодёжь восточной и западной Германии практически не различается, хотя на востоке протестантская этика долга встречается заметно чаще. С этой точки зрения говорить о каком-то радикальном смещении ориентаций немецкой молодёжи с работы на потребление, как это предсказывалось в 60-е и 70-е, не приходится. Исследование показало, что молодёжь объективно оценивает окружающий мир, однако, в отли-

чие от скептического поколения 50-х годов, большинство молодых людей обеспечены социальными гарантиями и родительской поддержкой.

Исследование молодёжи 1997 года посвящено анализу «условий, мотивов, форм и интерпретаций социальной и общественно-политической активности молодежи» [19; 11]. В результате исследования под вопросом оказалась интерпретация понятия «молодость», если рассматривать последнюю как период, в который молодые люди готовятся к исполнению роли взрослого и, в первую очередь, к трудовой деятельности. Так, исследование продемонстрировало, что молодёжь занимает не «классические проблемы поиска идентичности, выбора партнера и обретения самостоятельности», а, например, безработица: почти каждый второй считает это главной сегодняшней проблемой молодёжи. Эта обеспокоенность получает политическую окраску, так как в обозримом будущем решения проблемы не ожидают. Молодые люди ощущают себя брошенными на произвол судьбы и неспособными что-либо изменить в этой ситуации. Путь во взрослую жизнь кажется им закрытым. В отличие от 80-х, когда многие такой жизни не хотели, теперь иная ситуация: те, кто стремится к ней, не уверены, удастся ли им её достичь. Ясное представление о собственном будущем у большинства отсутствует. Учитывая весь этот скепсис, следовало бы ожидать значительной критики со стороны молодёжи в адрес политиков. И, в определённой мере, она присутствует, выражаясь в недоверии политическим институтам – в первую очередь, партиям. Но особый интерес представляет некая новая форма недовольства: молодёжь уверена, что политики и взрослые бросили её на произвол судьбы. Политика не интересуется молодёжью, но не наоборот. В результате одни уходят в свои собственные миры, и авторы исследования называют такую стратегию «приватизацией», другие также не протестуют, но стараются максимально использовать предоставленные им возможности (стратегия «приспособления»). В этой ситуации отношения между поколениями приобретают совсем иной смысл. Если раньше речь шла, в первую очередь, об оболении и конфликте, теперь молодёжь ощущает пренебрежение со стороны взрослых. Как всякое поколение взрослых, они говорили, что будущее принадлежит молодым, но создали при этом такие социальные и материальные условия, при которых будущее может вызвать лишь страх. Поэтому беспокойство относительно возможного разрушения мира стоит у молодёжи на одном из первых мест. Для многих ощущение, что взрослые лишают их будущего, превратилось в убежденность в том, что политикам нет дела до потребностей молодёжи. Они также не верят в возможность что-либо изменить политическими средствами, но не видят для этого и альтернативных путей [19].

Хотя сегодняшняя молодёжь, избравшая стратегию приспособления, и напоминает поколение скептиков, нельзя упускать из виду существенное отличие: у молодёжи 50-х не было политического воодушевления, однако была уверенность в том, что в будущем будет только лучше. В начале третьего тысячелетия молодые люди считают, что общество либо абсолютно чуждо им, либо обещает слишком опасное будущее. Сегодня мы всё чаще слышим суждение: «Теперь я уже не хотел бы быть молодым!» Добавляя ещё один штрих к образу молодёжи в социологии, можно отметить, что сегодня имеет место смена поколений, в которой одна сторона не может предложить ничего определённого, а другая не может ничего определённого ожидать.

1. Hegel, G.W.F. *Gymnasialrede am 14. September 1810*. In: Hegel, G.W.F. *Samtliche Werke. Jubiläumsausgabe in zwanzig Banden*, 3. Band, 4. Aufl. Stuttgart, 1961.
2. Allerbeck, K.R., Rosenmayer, L. *Einführung in die Jugendsoziologie*. Heidelberg, 1976.
3. Buhler, Ch. *Das Seeleben des Jugentlichen*. 6. Aufl. Stuttgart, 1967.
4. Bernfeld, S. *Über eine typische Form der männlichen Pubertät*. In: Bernfeld, S. *Antiautoritäre Erziehung und Psychoanalyse. Ausgewählte Schriften Bd. 3*. Frankfurt a.M., 1974.
5. Bernfeld, S. *Sisyphos oder die Grenzen der Erziehung*. 4. Aufl. Frankfurt a.M. 1981.
6. Lazarsfeld, P.F. *Die Ergebnisse und Aussichten der Untersuchungen über Jugend und Beruf*. In: Lazarsfeld, P.F. *Jugend und Beruf*. Jena, 1931.
7. Cp.: Spranger, E. *Psychologie des Jugendalters*. 28 Aufl. Heidelberg, 1966.
8. Schelsky, H. *Die skeptische Generation. Eine Soziologie der Deutschen Jugend*. 4. Aufl. Dusseldorf, 1960.
9. Erikson, E.H. *Kindheit und Gesellschaft*. 5. Aufl. Stuttgart, 1974.
10. Eisenstadt, S.N. *Von Generation zu Generation. Altersgruppen und Sozialstruktur*. München, 1956.

11. Schelsky, H. Ruckblick auf die „Skeptische Generation“. Vorwort zur Taschenbuch-Ausgabe. Frankfurt a.M., 1975.
12. Lessing, H./Liebel, M. Probleme der Begriffsbildung in der empirischen Jugendforschung. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend zwischen 13 und 24. Vergleich über 20 Jahre. 3 Bände. Opladen, 1975.
13. Lessing, H. Zum Begriff des Politischen in der Jugendforschung. In: Soziologie. Mitteilungsblatt der Deutschen Gesellschaft für Soziologie, 2/1974.
14. Dubert, R./Nunner-Winkler, G. Adoleszenzkrise und Identitätsbildung. Frankfurt a.M., 1975.
15. Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend zwischen 13 und 24. Vergleich über 20 Jahre. 3 Bände. Opladen, 1975.
16. Kreutz, H. Soziologie der Jugend. München, 1974.
17. Fischer, A., u. a. Zusammenfassung der wichtigsten Ergebnisse. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '81. Lebensentwürfe, Alltagskulturen, Zukunftsbilder. Opladen, 1982.
18. Zinnecker, J. Jugendstudie 1981: Portrat einer Generation. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '81. Lebensentwürfe, Alltagskulturen, Zukunftsbilder. Opladen, 1982.
19. Fischer, A. /Manchmeier, R. Die gesellschaftliche Krise hat die Jugend erreicht. Zusammenfassung der Zentralen Ergebnisse der 12. Shell Jugendstudie. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '97 Zukunftsperspektiven. Gesellschaftliches Engagement. Politische Orientierungen. Opladen, 1997.

Лучина В. Н. (БрГТУ, Брест)

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКОГО НЕОНАЦИЗМА НА ЕВРОПЕЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ ПОСРЕДСТВОМ МУЗЫКИ

Произведения искусства представляют собой сообщение, характеризующее степень сложности или количеством информации, причём эта характеристика, в свою очередь, зависит от культуры данного общества. Ещё в 40-х годах XIX века русский литературный критик В.Н. Майков писал о «за-коне симпатии»: «Для того чтобы произведение могло действовать на людей, оно должно заключать в себе что-нибудь общее с их мыслями, чувствами и стремлениями» [1; 277].

Искусство понимается как процесс художественной коммуникации между художником и аудиторией. При этом выделяют, по крайней мере, три элемента коммуникации: художник, его произведение и аудитория.

Обратимся к музыке и рассмотрим её репрессивное воздействие на молодежь. Возникает закономерный вопрос, как музыка участвует в жизни общества и влияет на его развитие, каковы её социальные функции? Понятие «социальная функция музыки» соприкасается с такими, как «задача», «цель», «предназначение», однако отличается от них объективностью своего содержания. Задачи, цели, предназначение музыкального творчества определяются самим композитором (хотя и на основе объективных предпосылок и условий), тем самым они субъективны. Вполне возможны случаи, при которых они остаются лишь благими намерениями автора: задачи не всегда выполняются, цель не всегда бывает достигнута, предназначение не всегда реализуется.

Функции музыки – это реально осуществлённые ею действия, фактическая форма её участия в общественной жизни. Это – роль музыки в обществе, о которой можно судить по объективным данным [2; 182]. Следовательно, функции музыкального произведения – это реальный результат всей системы его воздействия на воспринимающего. И источник, и объект, и условия этого воздействия имеют общественную природу. Поэтому все функции музыки социальные. Чтобы выяснить, чем они определяются, от чего зависят, надо обратиться к общефилософскому пониманию функции. Функция предмета – это внешнее проявление его свойств в данной системе отношений. Применительно к музыке это означает, что её функции зависят, с одной стороны, от её свойств, а с другой стороны – от общества, в котором она действует.

Присущие музыке свойства определяют её способность оказывать многогранное воздействие на человека, в том числе идейное, эмоциональное (в психологическом смысле), волевое, физиологическое и т. д. Пока произведение не воспринято, эти способности воздействия существуют в потенциальном виде. Но они становятся актуальными, реализуются на деле, когда музыка соприкасается со слушателем [2; 183].